Первым ощущением, которое я почувствовал, была постоянная пульсация в затылке. Это не было больно, но раздражало настолько, что привлекло мое внимание, и вот так, инстинктивно пошевелив рукой, чтобы прикрыть нарастающую боль в затылке, я обнаружил, что у меня есть тело.

Вместе с чувством осязания и самосознания пришла отдаленная, но постоянная, пульсирующая боль в затылке, где, только прикоснувшись, я обнаружил нечто, похожее на занозу.

Я зашипел от боли, когда мои пальцы нащупали больной отросток, и стал методично вытаскивать его из кожи, чтобы он не сломался еще больше и не оставил после себя других кусочков дерева.

"- ! Рубеус! Ты в порядке, сын мой?" - неясно донеслось до меня, когда заноза, которую я держал между ногтями, наконец покинула рану.

Несмотря на это, я несколько раз моргнул, пытаясь встать, и мои руки не смогли ухватиться за минутное плечо ребенка, который кричал мне в ухо голосом более глубоким, чем я мог себе представить.

Поднявшись на ноги, я хмуро посмотрел на ребенка, одетого в костюм волшебника, который был едва ли выше моего локтя: "Рубеус!" - позвал он... меня?

"Рубеус, ты в порядке?" - проговорил ребенок, переодетый в дешевого Гэндальфа.

Я открыл было рот, чтобы попытаться успокоить ребенка в страшном костюме доброго волшебника, как вдруг другой голос заставил меня поднять глаза.

"О, Боже, такой реакции от палочки я не ожидал, о нет. Мне очень жаль, мистер Хагрид, но палочки не всегда следуют нашим ожиданиям".

Это был хорошо знакомый мне голос. Голос, который я слышал бесконечное количество раз и в детстве, и во взрослой жизни, голос Джона Хёрта: актёра, который говорил как дракон в "Мерлине", как глава диктатуры в "V for Vendetta", и актёра, который был... Олливандер.

Мои глаза выпучились, когда я увидел Джона Хёрта, который выглядел ни на один день старше 25 лет и, по правде говоря, не был похож на того актера, каким я его видел, но голос, о, это был тот же самый. Затем слова, которые он произнес, поразили меня.

"Палочки?" повторил я, чувствуя, как глубокий баритональный голос, совершенно незнакомый мне, срывается с моих губ, пока я изучал комнату, в которой находился.

Это было маленькое помещение, пустое, если не считать ощущения важности, которое я не мог уловить. У меня возникло ощущение, что я попал в очень строгую библиотеку.

Я заставил себя проглотить множество вопросов, которые только что пришли мне в голову - от того, что, чёрт возьми, происходит, до того, какие палочки у него есть в запасе, - и вместо этого посмотрел на тысячи узких коробок, аккуратно сложенных прямо под потолком.

Завороженно глядя на бесчисленные ряды палочек, я почувствовал шепот ветра у себя на затылке, сама пыль и тишина здесь, казалось, покалывали какой-то тайной магией.

Мне показалось, что я нахожусь под водой, что у меня заложило уши от перепада давления, но это было не так. Я поднял одну руку и провёл ею перед лицом, ожидая почувствовать какое-то сопротивление, и нахмурился, когда она нормально двинулась по воздуху.

Олливандер возился вокруг меня, собирая беспорядок, который я устроил, когда упал, вероятно, перед тем, как очнулся со шляпой, которая, как я теперь понял, была сломанной палочкой, вложенной в мою голову.

Олливандер со скорбным выражением лица держал в руках обломанные куски окровавленного дерева, и при этом... не ребенок.

Я остановился, возвращая своё внимание к обеспокоенному... настоящему волшебнику? Он был занят тем, что дергал меня за рукав: "Рубеус, ответь мне! Ты здоров?"

Я хрипловато кивнул: "Ничего страшного". Я ответил, но голос мой был все еще глубже, чем тот, к которому я привык, и по мере того, как я говорил, я заметил, как этот человек называл меня, наряду с мистером Хагридом, которого предложил молодой Олливандер. Это значит?

Я оглядел себя, понимая, что не маленький человек, сидящий рядом со мной, был ниже ростом, а я был, по крайней мере, двухметрового роста, может быть, с запасом.

Рубеус Хагрид, полувеликан, который не пытался заниматься магией с тех пор, как его исключили? Тот самый, который ходил в школу с Риддлом, но так и не смог ничего выучить? Вот черт...

"Ну что ж, мистер Хагрид, вы все еще живы, и это приятный сюрприз, возможно, нам стоит вернуться к подбору вам палочки, не так ли?" раздался голос Олливандера, когда он положил части сломанной палочки на одну из сторон своего стола.

Затем я начал пробовать палочки, сначала левую, потом правую, так как, по правде говоря, я не представлял, какой рукой лучше колдовать в вымышленном мире, пока я занимал тело одного из наиболее знаковых персонажей.

"Сосна, с очень старой украинской сердцевиной Ironbelly, ровно 13 дюймов, жесткая".

Я медленно поднял ее левой рукой, ощущая покалывание от запястья до локтя, ободрился, махнул ею в сторону левой руки: бац, и ваза в углу исчезла.

Даже думая об этом, я опустил палочку, чувствуя себя немного виноватым: что, если я просто недостоин палочки? Хагрид, конечно, не нуждался в ней для счастливой жизни, но и я не был таким простодушным, как полувеликан из книг.

Что, если, будучи... да что я такое?... что, если моё присутствие помешает мне пользоваться палочкой?

"Свистун, с хвостовым пером Сниджета, десять с четвертью дюймов, довольно изогнутый". Я почувствовал, как пальцы остановились в этом месте, и, снова взмахнув палочкой в сторону осколков вазы, заставил их впиться в деревянную стену.

Это ответ на мой вопрос о материалах, которые он использует, - запоздало подумал я, - даже если у него не может быть такого большого опыта, не так ли? Хагрид ходил в школу с Волдемортом, а Риддл появился лет за 50 до канона, не так ли?

"Одиннадцать дюймов красного дерева, с одним усом Нунду, очень пружинистый". Эта фраза обожгла мне пальцы, прежде чем я смог что-то с ней сделать.

Что же мне теперь делать? Я мрачно смотрел в безопасные пределы своего разума, пробуя одну палочку за другой: неужели я должен отказаться от магии? Неужели я застрял в теле Хагрида? Не так-то просто исчезнуть среди маггловов, верно? Что делать, что делать...?

Олливандер продолжал с переменным успехом давать мне палочки для размахивания в течение получаса, а затем, напевая что-то, вернулся к рытью в своих бесконечных рядах волшебных палочек.

Не понимая, что происходит, и не слыша слов Олливандера, я взял в руки очередную палочку и тут же почувствовал отвращение к ней.

Это даже не отвлекло меня от размышлений: а не попробовать ли мне убить Риддла, пока он в школе? Но ведь он ещё не сделал ничего плохого, не так ли? Вы бы убили Гитлера, если бы встретили его в детстве? Вы бы убили Кортеса, зная, что он возглавит истребление ацтеков? Я... Я бы убил. Я понял.

И сейчас Риддл был ещё не Тёмным Лордом, а просто очень хлюпким волшебником-подростком, а я сидел верхом на теле полувеликана, который, как я помнил, танковал оглушающие удары из книг о Гарри Поттере.

Может быть, не стоит воспринимать мою ситуацию как нечто плохое, подумал я, когда очередная палочка не вызвала у меня никакой реакции. Я здесь, может быть, Хагрид и был дерьмом в магии и даже немного сумасшедшим, но я-то точно нет.

Пока эта мысль проносилась у меня в голове, мне удалось вновь сосредоточиться на окружающих меня людях и событиях.

Если Хагрид сумел скрестить всех этих чертовых Взрывоподобных Скрютов без инструкции и без палочки, то что же говорить о том, что я не смогу сделать гораздо больше? Кто сказал бы, что я не смогу сделать любую абсурдную вещь, которая придёт мне в голову? Кто сказал бы, что я не смогу выковать Нарию внутри вулкана?

2

Или вывести венерианца из ничего? Кто скажет, что я не смогу стать тем самым лучшим, что случилось с миром со времен нарезанного хлеба?

Еще одна мысль посетила меня: а что, если я остановлю Хиросиму и Нагасаки? Нет, это испортит войну, и, возможно, нами будет править нацист, но спрятать людей? Помочь им? Остановить атаку на Всемирный торговый центр? Может быть, я еще успею спасти Ганди?

Я мог сделать и стать кем угодно: были зелья для дистилляции жидкой удачи, заклинания для вызова бури и создания тайных проходов между стенами, фейри и церберы, секреты, о которых никто ничего не знал, и будущее мира, которое можно было бы определить, если бы один человек был в состоянии что-то сделать для этого.

И я мог. Учитывая продолжительность жизни Хагрида в книгах, у меня было много времени, чтобы стать всем, кем я мог стать.

Чтобы изменить мир к лучшему.

http://tl.rulate.ru/book/96307/3293408